

Иван Козловский: Не забывайте материнскую песню

Правда Украины - Киев. - 1990. - 12 марта.

«Для всех вы известный, знаменитый певец — премьер Иван Козловский, а для меня вы хороший, милый Ивасин, — любимая сказочная птица опереткинка, которая лучше соловья. Очеретянку можно слушать утром на заре, она своим ни с чем не сравнимым пением всегда встречает солнце и дает своим веселым щебетанием надежду на веселый погожий день...»

МАРИЯ ЗАНЬКОВЕЦКАЯ, 30 мая 1933 г.

До дач, где живут мастера искусств, от подмосковной станции с поэтическим названием Стрижи автобусы не ходят. Путь неблизкий, километров пять, и я, чтобы успеть к назначенному времени, «голосую». Узнав, кому торопится журналист, моя спутница говорит: «Непременно передайте Ивану Семеновичу привет от вечной его поклонницы Максаковой...».

Калинка — нараспашку. Меня ждут и тут же приглашают в гостиную. Зачехленные серым полотном диваны, круглый стол справа от двери на балкон. Просто, уютно... И вот появляется в дверях Иван Семенович — высокий, элегантный, в сером костюме и синей хлопковой сорочке с темной бабочкой в красную крапинку. Праздничность одежды подчеркивали лакированные черные туфли. Перехватив мой взгляд, Иван Семенович тут же прокомментировал свой «выход».

— Как видите, оделся по-концертному. Встреча с журналистом для меня тоже работа.

Мы беседовали три часа. Первые слова его были о родных местах:

— Моя душа — на Украине, в селе Марьиновке на Киевщине...

ВОТ ЗАПИСЬ беседы. К сожалению, не стенографическая.

Да если бы и стенографическая — разве передать все интонации и краски живой речи этого человека!?

А начался наш разговор с экскурсии в историю отечественной музыкальной культуры.

— Знаете ли вы, — спросил меня артист, — что еще во времена Ивана Грозного в кремлевских соборах после церковной службы шли так называемые «представления»? В сущности, это было начало музыкального театра.

Подобные представления разыгрывались и в Киеве — в академии Братского монастыря на Подоле. Эта академия оказала громадное влияние на искусство. И, в частности, на искусство пения.

Украина искони была необычайно богата прекрасными голосами. Иногда спрашивают, чем это объясняется — климатом, что ли? Трудно сказать...

А каких громадных музыкантов дала Украина нашей культуре. Березовский, Бортнянский, Дилецкий... Но начинали они как певцы.

Имена многих выходцев с Украины украсили более чем двухсотлетнюю историю нашего Большого театра.

Впрочем, думаю, нет такой национальности в нашей стране, которая не имела бы своего представителя в Большом.

Вспомним знаменитого Гулака-Артемовского, одного из первых Русланов в опере Глинки «Руслан и Людмила», автора «Запорожца за Дунаем». Он родом из Городища на теперешней Черкасчине, а похоронен в Москве.

Лосский — певец, а затем один из руководителей театра, был выходцем из Киевской губернии. К слову, его отец строил в Киеве Цепной мост. Постановки Лосского в Большом театре — оперы «Борис Годунов», «Снегурочка» и другие — шли на протяжении десятков лет.

Или вспомним Мишишу — певца, который активно участвовал в революционном движении, за что был в 1906 году арестован и посажен в Лукьянинскую тюрьму в Киеве. Он был одним из ведущих солистов Большого театра.

Вспомним и другие имена. Норцов, Рейзен, Златогорова, Бышевская, Чубенко, Хромченко, Селиванов, Цинев — все это выходцы с Украины.

ОДНАЖДЫ — вскоре после Отечественной войны — взглянул я на оркестр во время репетиции в Большом театре и восхликал: «Полтавчане, поднимите руки!» и пол-оркестра подняли руки.

Тогда кричит с дирижерского пульта Небольсин: «Ваня, прибавь еще один голос — мой. Я там начинал как скрипач».

Первым профессиональным наставником Козловского был Александр Антонович Кошиц. Он понимал, что перед ним не просто голосистый хлопец, а уникальное дарование. Кошиц написал замечательному педагогу вокального искусства Елене Александровне Муравьевой: «Послушайте его и сами убедитесь...». В молодости (а это было еще в начале века) Муравьева пела в опере. Была знакома с Сергеем Рахманиновым и Миколой Лысенко, которые высоко ценили ее талант. К середине 30-х годов «школа Муравьевой» насчитывала более четырехсот певцов. Некоторые из них (З. М. Гайдай, Н. П. Франковская) стали профессорами консерваторий. Поистине дар судьбы — обрести такого учителя. Большшинство учеников Елены Александровны составляли «неплатежеспособные», но, как она сама говорила, способные — и она отдавала им свой педагогический талант.

В 1920 году Козловский с отличием окончил Киевский музыкально-драматический институт по классу Муравьевой. Он отказался от предложения вступить в труппу Музыкального театра и добровольцем ушел в Красную Армию. Служил в инженерной части, расквартированной в Полтаве. И пел в местном театре. Пел в «Наталье Полтавке», «Кармен», «Евгении Онегине», «Фаусте»...

В его концертном репертуаре были и народные песни, «коядки».

«Коядки» познакомили его с жившим в Полтаве писателем Короленко. Однажды зимним

не приходилось слышать и видеть. Была и дочь Шаляпина — Ирина Федоровна. После спектакля мы сердечно приветствовали полтавчан. Вспомнили и Нежданову, которая начинала на Украине, а потом пела на сцене Большого.

Не могу точно утверждать, пела ли Антонина Васильевна в «Наталье Полтавке», но то, что в концертах она исполняла арию из этой оперы, знаю — я сам подпевал ей...

В годовщину празднования 800-летия Полтавы, в 1974 году, меня пригласили на праздничные торжества. Я пел в спектакле, пел на стадионе. На стадионе — десятки тысяч людей... Незабываемо!

СЕЙЧАС «знобит» мою душу светлая мечта. Организовать, срежиссировать и показать в Каневе — на тра-

ни Веревки передавали народную песню «Маринонка». Пели так, что слеза навернулась:

Навколо Маринонки
Ходили девоньки,
Сторону дощич иде...

Гоголь сказал: «Народная песня — это история народа». Да, история. И душа. Человек поет и в радости, и в печали — так было до нас, так будет после нас.

Как-то пели перед Львом Николаевичем Толстым крестьяне (руководил этим хором Пятницкий), и артист Художественного театра Иван Москвин, присутствовавший при этом, позже вспоминал: «Я дрожал, когда они запели, — с таким внутренним достоинством пели они древнюю, древнюю песню «Ой да ты, калинушка».

Эту песнь и мы поем. И нашим потомкам она останется.

ПЕСНЮ не запретишь, не затолкаешь в кутузку. Хотя... Не могу забыть случай, который произошел со мной в 30-е годы в Кремле. Концерты в Кремле были тогда сдержанные, программа всегда утверждалась заранее, а мне пришло исполнение одних и тех же арий, и я попытался внести свои корректировки. Меня одернули (всяк сверхок знай свой шесток), я не сдержался и ответил. Ответил, очевидно, дерзко. Когда собрался уходить, товарищ в военной форме взял меня за локоть и повел в другую сторону от выхода. «Куда это вы меня?» — спросил я. «Хочу показать вам один из царских уголков». — «Но я уже все это видел!». — «Ничего, поглядите еще разок», — и, вежливо препроводив меня в какую-то комнату, запер снаружи дверь. Трудно передать словами чувство унижения, которое я испытал тогда...

А как тяжела боль, которая длится годами. В течение восьми лет ему запрещали выступать в концертах. И это пренудительное молчание — в самом зените творческих сил. А ведь для кого он пел? Для народа пел, для людей. Это же их тогда обокрали.

Из книги, посвященной певцу: «Искусство И. С. Козловского давно шагнуло за отечественные рубежи. Его высоко ценят в Европе и Америке, и нет ничего удивительного, что приезжавшие в Советский Союз зарубежные артисты приглашали Ивана Семеновича приехать к ним для участия в спектаклях, концертах. Но славя совершил такую поездку певцу с мировым именем так и не представилось.

Оброненная в тридцатых годах Сталиным фраза: «Проси что хочешь, но за границу не пущу!» стала неписанной директивой...

Но вернемся к народным традициям, — продолжает Иван Семенович. — Посмотрите, как сейчас воспитывают детей в «приличных» семьях. С пяти лет — на фигуру катание, на худой конец — гимнастика. Модно. А музыка не очень то в чести. Из школы ушло хоровое пение. Вообще-то детские хоры есть, но обычай для них манера пения вызывает горечь. И вы только всплывайте в тексты, которые десятилетиями сочиняли для детей взрослые тети и дяди. Распевая эти тексты, дети прославляли то одну пятилетку, то другую. Штамп!

У нас бесплатное обучение в школах, вузах. Но все остается проблема духовной культуры.

Самые сильные в мире по воздействию языки — это пение, музыка. На селе из поколения в поколение передавалась такая языка. А сегодня он утрачивается.

Это очень горечительно. Не учим мы детей этому языку,

а если и учим, то за деньги. Изволь заплатить за своего ребенка пятнадцать рублей в месяц, и тогда...

Когда утрачиваются коренные связи с истинно народным искусством — это беда.

Хотелось бы, чтобы каждый из нас добром вспоминал своих родителей — отца и мать, вспоминал, как они наставляли нам, детям, задушевные, вековой мудростью наполненные песни и учили нас этими песнями добру.

Пение — это праздник. Пусть же праздник пения длится всегда, всю отпущенную нам жизнь.

ИВАН КОЗЛОВСКИЙ... Дар редкостный, драгоценный, удивительный. И как не возблагодарить судьбу, которая одарила этим дивным, неповторимым прекрасным голосом человека с таким трудолюбием, с такой яростной тягой к совершенству, к вершинам духовности.

Да, великий артист. И поистине народный.

Во время Парада Победы, в июне 1945-го, он стоял на одной из трибун на Красной площади, а вечером пел для участников парада, для победителей... В дни горькие и в дни радостные, в дни торжеств и в дни бед, Козловский был всегда со своим народом.

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат высоких премий, он только что удостоен Государственной премии Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко. «Первый соловей Отечества», Иван Семенович Козловский олицетворяет силу и славу советского искусства. Все, что создано им как художником, поистине подслушано в сердце народа.

...Прощаясь, я спросила его. Ответ ошеломил.

— Восемьдесят лет и еще немножко. С семи...

Иван Семенович принес листок из нотной тетради и, разбросав по линейкам знаки, написал: «Многие лета вам на земле».

Галина ШУЙСКАЯ.

вечером колядующие заглянули в освещенное окно его дома: писатель сидел на кухне и сапожничал (этому ремеслу научился еще в ссылке). Хозяин встретил колядников довольно суко, но вот они запели: «Добрый вечер тебе, пане-господарю», а солировал Козловский, и лицо Владимира Галактионовича посветело, на глазах появились слезы... Знакомство Козловского с Короленко на том не закончилось.

Он пришел к писателю еще раз, и Владимир Галактионович долго беседовал с ним, рассказывая о планах, а на прощание сказал:

— Того сейчас живет народ, но и голодный он тянется к искусству. Вам, молодым, в какой-то мере уже познавшим искусство, и надлежит бережно сохранять великое классическое наследие, приобщать к нему жаждущих.

20-е годы. Где только ни выступал тогда молодой Козловский — на заснеженных платформах вокзалов, на фабриках, в колонии для беспризорных...

— В то время в Полтаве собралось очень много талантливых людей. Там я впервые увидел Гельцер, и знаменитого Тихомирова, и скрипача Сигетти. Туда приезжали выдающиеся драматические артисты.

А знаете, сколько в городе было театров? Считайте: русская драма, украинская драма, опера — это уже три. Театр миниатюр — четыре, еврейский — пять. Вот сколько! Причем государство их не содержало. В 20-е годы оно не располагало такими возможностями. И все же артисты не бедствовали, потому что была аудитория.

И вспоминаются гастроли Полтавского музыкально-драматического театра имени Гоголя в Москве в 1971 году. Впервые театр из Полтавы давал спектакль на сцене Большого. В дни гастролей я приветствовал полтавчан словом и пением. Пел тогда «Сонце низенько» — без сопровождения оркестра и рояля. Директор театральных касс (а касса — главный барометр успеха), помнится, сказал мне, что билеты на «Натальку Полтавку», на дневной спектакль в будний день, публика раскупила за три часа.

Должен заметить, что на сцене Большого театра раз в году традиционно — с дореволюционных еще времен — давался спектакль «Запорожец за Дунаем». В нем участвовали и Дзержинская, и Цесевич, и Алчевский, и другие знаменитости.

А в «Натальке» выступали Михаил Семенович Щепкин (в Полтаве), Федор Иванович Шаляпин. Шаляпин пел в этой опере две партии — Петра и Миколы, то есть итенора, и высокого баритона.

Спектакль же, привезенный в Москву полтавчанами, прошел великолепно. В театре пришли тогда многие известные оперные певцы, артисты из труппы Большого театра, раньше

заглянули в освещенное окно его дома: писатель сидел на кухне и сапожничал (этому ремеслу научился еще в ссылке). Хозяин встретил колядников довольно суко, но вот они запели: «Добрый вечер тебе, пане-господарю», а солировал Козловский, и лицо Владимира Галактионовича посветло, на глазах появились слезы... Знакомство Козловского с Короленко на том не закончилось.

Он пришел к писателю еще раз, и Владимир Галактионович долго беседовал с ним, рассказывая о планах, а на прощание сказал:

— Того сейчас живет народ, но и голодный он тянется к искусству. Вам, молодым, в какой-то мере уже познавшим искусство, и надлежит бережно сохранять великое классическое наследие, приобщать к нему жаждущих.

Почему-то баян считается народным инструментом, а скрипка — нет. Странно. Об этом, помню, как-то говорили мы с Григорием Веревкой.

А сейчас вспомнился он мне потому, что накануне по радио был снят спектакль хора имени

ИВАН КОЗЛОВСКИЙ... Дар редкостный, драгоценный, удивительный. И как не возблагодарить судьбу, которая одарила этим дивным, неповторимым прекрасным голосом человека с таким трудолюбием, с такой яростной тягой к совершенству, к вершинам духовности.

Да, великий артист. И поистине народный.

Во время Парада Победы, в июне 1945-го, он стоял на одной из трибун на Красной площади, а вечером пел для участников парада, для победителей... В дни горькие и в дни радостные, в дни торжеств и в дни бед, Козловский был всегда со своим народом.

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, л